

Судьбы

... Назовите имя актера, который вот на этом месте, где мы сейчас сидим, снимался в 1919 году, а через неделю будет сниматься в новом фильме в ста шагах отсюда!

Мы сидим на скамейке во дворе Свердловской киностудии с известным мозжечковым кинодраматургом, в тени чудом уцелевшего сибирского кедра. Наш разговор происходит в середине восьмидесятых... Да такого экранного долгожителя попросту быть не может!

Маститый сценарист сделал паузу, длинную, как затяжной прыжок:

— Ммда... — изрек голосом, в котором причудливо звучали иронические и сокрушенные нотки. Он был актером, которого снимали и переставали снимать — так, словно он умирал; кинорежиссером, который был одареннее многих, но талант которого перечеркнули два сталинских слова; звукооператором во времена освоения звука в кино, но отторгнутым от дела, когда с ним начал справляться любой ремесленник; преподавателем ВГИКа на профессорской должности, но даже без кандидатской диссертации; бойцом народного ополчения осенью 41-го; узником фашистских лагерей, но из последнего бежавшим; монахом монастыря, спасавшего его от лап НКВД, но вернувшимся в мир, как «непоумневший» Алеша Карамазов; узником сталинских лагерей, но из них было некуда бежать; освобожденцем «за отсутствием состава преступления», но с минусом, воспрепятствовавшим вернуться в столицу, в отобранную у него квартиру...

— Режиссером Свердловской киностудии! — истово подхватываю я, угадав, кто и что стоит за феноменом.

— Снова киноактером — восхитительным, потрясающим! — кивает патетически мошквич. — Человеком, которого снимают в фильмах и о котором снимают фильмы...

— О котором пишут статьи... Книжки! И создают легенды!...

— И они все — правда, сущая правда!

— Вы из Свердловска и, конечно, знаете Оболенского!

Даже слезы навертываются на глаза: мне ли не знать замечательного, несравненного, восхитительного Леонида Леонидовича!

«КИНОАКТЕР — ЭТО ЧЕЛОВЕК С ВЫРАЗИТЕЛЬНЫМ ЛИЦОМ»

Микеланджело Антониони.

Впервые я переступил порог Свердловской киностудии в канун нового 1958 года. После институтского общежития молодой специалист мечтает не о квартире, конечно, но хотя бы о своем угле, комнате. Я снял ее в бревенчатом доме Пионерского поселка у мрачного, неразговорчивого «кержака». Он сообщил, что тоже сумняшся, что до меня тут жил студент политехнического института, но повесил перед сессией. Я проглотил пилюлю или бестактность: уж не знаю, как выразиться. Сходил в баню, застелил чистым бельем постель, лег — чтобы открыть «Швейка». Но тут взгляд мой упал на стену. О, ужас! Она буквально вся, от потолка до пола, кишела клопами. Их были полчища в разрывах обоев, о борьбе не стоило и помышлять... Вспомнив о студенте, я на другой же день начал проситься в студийное общежитие. Но оно, состоявшее всего из двух комнат — мужской и женской — давно заполнено под завязку.

Так бы и кормил я клопов, если бы не Л. Рымаренко — ведущий режиссер студии по научно-популярным фильмам,

член парткома. Увидев меня дремлющим на трех сдвинутых стульях после рабочего дня (в «клоповник» не тянуло), он воссочувствовал мне всем своим благородным сердцем и на следующий же день добился, чтобы в общежитие меня впустили. А главное, прописали там.

Так началась моя дружба с этим прекрасным человеком и художником, будущим заслуженным деятелем искусств РСФСР, лауреатом премии имени Ломоносова, дружба, которая продолжается по сей день.

Традицией студии были предпраздничные стенные газеты, состоящие из склеенных ватманских листов. Часто — коллажи с использованием фотографий. Точнее — лица, к которому художники цеха мультипликации, во главе с виртуозом рисунка Г. Тургановой, «приделывали ноги», то есть фигуры в самых уморительных ракурсах. Очень хороша была предновогодняя стенгазета, но

Олег Хомяков

Ваш уходящий объект...

не прошло и двух месяцев, как появилась новая, более красочная — посвященная 23 февраля. Парад-алле возглавлял, как и положено по воинскому Уставу, директор студии В. Пястолов — в прошлом комиссар дивизии, полковник. Дальше звания шли по убывающей: вплоть до лейтенантов и сержантов. И лишь в левом нижнем углу поместилась длинная, насквозь «интеллигентская», с собачкой на поводке фигура с петлицами рядового: «Л. Л. Оболенский». В галлифе изысканного покроя, в тугих обмотках и чудовищного размера ботинках — тех самых башмаках «со страшным скрипом», о которых пелось в известной песне.

Да, персонаж прекомичный, но — лицо! Та самая фотография, заимствованная из отдела кадров, перенятая на мультистанке! Оно заставляло себя разглядывать.

Высоко вознесенный лоб, удлинненное, вытянутое лицо, сообразность черт которого определяет развитый острокопечный нос — столь совершенный, что все вокруг обретает как бы классическую, единственно возможную форму. Не отсюда ли и слово «порода»? Мы говорим: породистая красота, дворянская косточка. И реже наблюдаем ее, русскую, отшлифованную веками породу жизни. Тут есть над чем поразмыслить приверженным к русскости. Ставишь перед собой зеркало, глядящаясь в «знакомые черты»: где порода? где труд столетий?.. Лично мне вспоминается инцидент из области медицины. Человек с рожистым воспалением (зеркала из палаты убраны) слышит по радио, что первая женщина-космонавт вышла на космическую орбиту. Едва шевельв вспухшими губами, он спрашивает сиделку: «Кто она?» «Русская, Терешкова». «В смысле внешности ничего... не мордворот?» Глядя на себя в зеркало, думаешь: лицо как лицо. Но — беспородное. Почему? — тайна. А когда случается увидеть себя на экране, просто впадаешь в оторопь: мордворот.

Оболенский был в киноэкспедиции, и мне случилось заговорить о нем все с тем же Рымаренко. Я спросил, не потомок ли «рядовой» с собачкой Е. П. Оболенского, друга Рылеева?

— Нет, — ответил Леонид Иванович, — общее только в

судьбе: декабрист отбывал каторгу на Нерчинских рудниках, а сын петербургского инженера, «красного дипломата», работавшего с Чичериним, был сослан в сталинские лагеря в Туруханский край.

— За что?

— Ну представьте: 43-й год, Красная Армия наступает. Где-то на Украине в часть заявляется человек в рясе и объясняет, что он ушел из монастыря, так как хочет служить Отечеству — в искусстве. Он — де не столько монах, ибо ряса спасла его от фашистов (бежал из лагеря), сколько эксцентрический киноактер. Снимался в фильмах «Необычайные приключения мистера Веста в стране большевиков», «Луч смерти», «По закону». На фронт ушел с ополчением, оставив должность ассистента кафедры кинорежиссуры ВГИКа... Особым было от чего скрести в затылках. Не помешанный, но нагородил черт те что. Сидел бы уж, если впрямь постригся в монахи, там, в монастыре, до

Однажды Оболенский купил книгу об Эсфири Шуб, режиссере, известном по документальным фильмам 20-х годов, и обомлел, не найдя себя на групповом снимке. Он работал, дружил с Шуб, но на фото рядом с ней стояли Эйзенштейн, Вертов, Кармен, Тиссэ...

возглавлял полковник с перевязанной головой. Ему нельзя было много говорить, он не снимал руку со лба. Посмотрел «Автоматическую винтовку», бросил: «На фронт» (Это означало: снять с брони всех, кто делал фильм, и послать на передовую). Посмотрел «Ручной пулемет», отрубил: «На фронт». «Танковый» — «На фронт». «ППШ» — «На фронт!»... Но мой ему показался образом того, как надо: «Рымаренке броня и усиленный паек...» Так и проработал всю войну — на заказах.

«ОТЦВЕЛИ УЖ ДАВНО ХРИЗАНТЕМЫ В САДУ...»

Однажды Оболенский купил книгу об Эсфири Шуб, режиссере, известном по документальным фильмам 20-х годов, и обомлел, не найдя себя на групповом снимке. Он работал, дружил с Шуб, но на фото рядом с ней стояли Эйзенштейн, Вертов, Кармен, Тиссэ...

да слухам верили больше, чем сводкам. По Москве пронеслось: армии нет, все подступы к нам открыты. Ты бы «записался добровольцем»?

— Да!

— И вот ты в открытом поле, переметном снегом, без винтовки (вооружали не всех), под артогнем. Те же слухи: «Обошли! Отрезали! Три немецких танка и — вся ополченская рота в плену.

— Это ясно. Думаю, что комфронта Жуков даже не всегда знал об этих ополченцах: не успевали доложить.

— И это возможно. Говорят, наши самолеты, танки не уступали немецким. Во-первых, уступали; во-вторых, на них не было ракет. Вся трагедия 41-го — отсутствие связи. Великан был не на глиняных ногах, как полагал Гитлер, но абсолютно глух!.. А вот еще случай глухоты. В школе все «проходили» немецкий. Но в лагере никто не мог понять, слушающая немцев, ни слова. Они говорят: «Стоять здесь! Сидеть здесь!

«Красное и черное» режиссера С. Герасимова — французы не нашли бы такого епископа! И не счесть будет возгласов: «Какой этот Оболенский? Откуда взялся? Почему его не снимали раньше каждый день?» Слава актера упрочится образом старого, выжившего из ума князя. В талантливой телезкранизации романа Ф. Достоевского «Подросток». И снова всеобщее умиление: «Это же настоящий князь — с головы до пят! В нем порода, которую невозможно сыграть. Жест, голос, мимика, грация без единого штриха фальши. Исполнение, которое можно сравнить с игрой скрипача-виртуоза!»

Да уж, выражаясь словами Федора Михайловича: «Князь и в кульке князь».

Но вернемся в сценарный отдел.

— Вы все же не усидели за монастырскими стенами?

— Только не подумай, что я поп-расстрига. Настоятель монастыря сказал мне: «Ты

госа, по- существу, на покой, «заметили» мосфильмовские режиссеры. Открыли вновь его неповторимое, чарующее актерское обаяние, его уникальный талант.

Началось с фильма «Вид на жительство», где он представил тип русского эмигранта, постаревшего, с лицом-маской той самой аристократической породы. Кинематограф словно спохватился: где все мы были раньше? Приглашения следовали одно за другим. К упомянутому мной можно добавить «Молчание доктора Ивенса», «Чисто английское убийство», «Дорогой мальчик» и др. А мне лично кажется, что с наибольшей, пронзительной трогательностью замечательным артистом создан образ старика-пенссионера, коллекционирующего часы, которого дети не хотят брать в семью и «спихивают» в дом престарелых.

Прикованный к креслу-каталке, герой Оболенского мало произносит слов, но слезы, стоящие в магнетически-выразительных глазах, способны растопить любой булыжник (вместо сердца) в груди телезрителя. Нет, я выделяю этот фильм не потому, что был его редактором и сам придумал ему название «На исходе лета» (режиссер Р. Мурадян). Представленный в Италии на форуме телефильмов, он был отмечен премией за лучшее исполнение главной роли: Леонид Оболенский стал героем и кумиром фестиваля.

Я еще потому вспомнил кресло-каталку, что перечитал сейчас последнее, полученное мной в Одессе, письмо Леонида Леонидовича. В ролях есть всегда элемент провидческий, судьбоносный — для актера:

«Мне уж не бывать в Одессе. Сломал ногу в шейке бедра. Полгода уже не хожу, а ползаю, в ожидании, когда отломанная лапа прирастет к моему старческому скелету. Ее для крепости прибили... гвоздиками. Три вылезли, не прижились, а девять сидят и покалывают: «Не шевелись!» Выдернут их только в октябре. Тогда буду учиться ходить. По комнате...»

...Л. Л. не любил процедуру похорон. Уклонялся от почетного караула, не сопровождал покойника на кладбище.

Как-то обмолвился: «Я уже все продумал и договорился с Чулковым (звукооператором). Когда все соберется у гроба, Чулков нажмет кнопку, и вы услышите мой голос: «Братцы, кончайте эту канитель! Я отлично понимаю, как вам скучно и тошно стоять у моего синевого носа. Везите меня скорее на кладбище, закопайте и возвращайтесь на студию. Помните: по русскому обычаю, и я чертовски жалею, что не могу выпить вместе с вами. Ваш Оболенский».

В его устах сказанное не звучало кошмаром. Этого человека жизнь слишком часто сбивала с ног, и он снова «учился ходить». И учил ходить других.

Не знаю, использована ли та пленка, хранившаяся у В. Чулкова (он ушел из жизни раньше наговорившего текст) в документальном фильме, снятом уральскими кинематографистами. Они дали ленте редкое по выразительности название: «ВАШ УХОДЯЩИЙ ОБЪЕКТ ОБОЛЕНСКИЙ».

Это потому, что в художественных фильмах прежде всего снимают уходящие объекты — например, зиму в конце марта, если в сценарии есть зимние эпизоды.

Надо ли говорить, что название фильма-портрета, ставшего событием в киноискусстве, не могло не оказаться пророческим. Не прошло года после выпуска его на экран в 1990 году, как Леонид Леонидович Оболенского не стало...

ШАРЬЯ, Костромская область.

● Леонид Оболенский.

художник, и тебе надо вернуться в мир...»

«ГОСПОДЬ ЗНАЕТ, КОМУ И ЗАЧЕМ ДАЕТ ТАЛАНТ»

На бульваре проспекта, пересекающего центр города, длинная сухопарая фигура Оболенского узнавалась издавна. Никому бы не пришло в голову, что они видят битого-перебитого, тертого-перетертого лагерника: подтянут, щеголеват, улыбчив. Левою рукою он придерживал ремень сумки, правой помахивал в такт легкой грациозной походке. Неистребимый актерский дендиизм: привычка дарить себя публике всякое мгновение.

Я догнал его. Время обеденное, быстро сходимся на ресторане «Спорт», где днем цены чуть выше столовских. (Это время никогда уже не вернется: внукам мы вправе рассказывать, что коммунизм стоял на пороге, мы с ним «поручались» — чтобы разойтись навек).

Мне давно хочется расспросить Л. Л. об игровых фильмах, поставленных им в 20—30-х годах. Знаю, что немалым успехом пользовались «Кирпичики», «Эх, яблочко...». Но потом была «Трубка», история которой — страница легендарной «Кино-сталинианы». Сюжет прост и орденосен. Пионеры находят в Туруханске курительную трубку, которую ссыльный большевик любил и холил. Привозят в Москву, приходят в Кремль. Вождь трубку признает, дети получают подарки, едут счастливые домой. Что не понравилось Сталину? Посмотрев фильм, он долго молчал, покуривая незжаренную, идентичную трубку, потом спросил: «Кто снимал?» «Оболенский, товарищ Сталин». Еще пауза... Кольцо дыма: «Хи-итрый режиссер...» И точка! Фильм закрили, «хитрому» перестали давать постановки.

Потом на Свердловской киностудии Оболенский работал и в игровом кино, и в научно-популярном. Им сняты интересные познавательные фильмы, удостоенные наград и премий: «Люди пытливые мысли», «Тайна булатной стали», «Пленник железного кристалла» и др. Потом Л. Л. переехал в г. Миасс, что на южном Урале, где ему дали наконец отдельную двухкомнатную квартиру. И так получилось, что именно в этот момент человека, отправивше-

конца войны: тепло, сытно, не дует. Нет, вылез... Внешность не русская, речь темная, дело нечисто. А спасло «монаха» кино — та именно необычная, впечатляющая, яркая внешность! И не столько это порождает, сколько маска: род таланта. Один из особитов вспомнил его лицо — по фильмам.

Его не поставили к стенке, как было принято, чтобы отделиться от сотен, если не тысяч «подозрительных» (фронт гремит, катится, крови реки, дел уйма), но отправили в тыл. Там докопались при проверках до непреложного факта: Оболенский был в лагере переводчиком, состоял чуть ли не при команданте. Обвиняемый не отрицает. «Десятку» в зубы и — на этап...

Так вот оно что: переводчик. Мы долго молчим.

— Леонид Иванович, — спрашиваю я потом Рымаренко, — а почему обошли вас в стенгазете? Вы не воевали?

— Нет. Я работал перед войной в «Сибтехфильме» в Новосибирске. Все мы получили бронь в июне 41-го и срочный заказ: спецфильмы. К примеру, устройство оружия всех типов — включая разборку, сборку и прочее. Мне достался крупнокалиберный пулемет. Комиссию по приему фильмов

— А вот это я! — Леонид Леонидович ткнул пальцем в темное пятно.

Не изменили ли старику память? Но уже на следующий день Л. Л. принес точно такой снимок из личного архива, где на месте пятна — он, Оболенский. Улыбающийся, подтянутый, молодцеватый!

— Вас вытравили, когда узнали, что вы в Туруханске? — догадываюсь я.

— Да. И парадокс в том, Олегус (так он стал меня со временем называть), что все, кто на книжном снимке, мертвы. Жив только я, «тамбовский волк».

Позже в изданиях советских лет мне неоднократно попадались снимки, кадры со стертым, подчищенным, затухавшим Оболенским. Стиль эпохи! — Л. Л., но была ли свобода выбора в СМЕРШе, куда вы явились монахом? Или в коммандатуре немецкого лагеря, где вам предложили стать переводчиком?

— Предложили! — у Оболенского округляются глаза, напоминающие всполохами северное сияние. — Если бы предложили, тогда действительно был бы выбор. И, разумеется, я бы отказался: наотрез! Нет, Олегус. Выбор я сделал тогда, когда пошел в ополчение. Тог-

Еда здесь! Испражняться здесь! Наши ни в зуб ногой. Тынцутся — и все не туда, не так. Немцы — очереди из автоматов...

Л. Л. делает паузу, и я вспоминаю, что он владеет тремя европейскими языками. Говорю:

— Вы стали подсказывать, немцы замечали.

— Меня сами русские, которые гибли от пуль, «выдали» тому команданту. Тот, естественно, стал прибегать к моим услугам.

Я почувствовал, что кровь толчком хлынула в щеки. Отвечал, замаявшись, с каким-то гнусным, заискивающим оттенком:

— Так же, как вы...

— Но было в том и свое преимущество! — встряхнулся воробьем, вылезшим из лужи, рассказчик. — За мной меньше следили и, когда лагерь этапировали на Украину, я бежал. Укрылся в монастыре, принял постриг: мы ведь воспитывались в гимназиях, Закон Божий знали назубок. Не говоря о моем личном интересе к истории религии, православия...

Маленькое отступление. Пройдут годы и миллионы телезрителей с восхищением будут наблюдать актерскую игру Л. Оболенского в сериале